

Раздел 1

УДК 069.02:929[Большево][Дурылин]+069.4

НЕВИДИМЫЙ ГРАД КИТЕЖ И ПИСАТЕЛЬСКАЯ УСАДЬБА С. Н. ДУРЫЛИНА В БОЛШЕВЕ¹

*Аванесова Стелла Тиграновна,
аспирант Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, младший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва
E-mail: avanesova_stella@mail.ru*

THE INVISIBLE CITY OF KITEZH AND THE WRITER'S ESTATE OF S. N. DURYLIN IN BOLSHEV

*Avanesova Stella,
Graduate student of Saint Tikhon's Orthodox University
for Humanities, Junior Researcher, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
E-mail: avanesova_stella@mail.ru*

Аннотация. В статье сделана попытка показать специфику русской писательской усадьбы первой половины XX в. Наследница усадьбы Серебряного века как «рая на земле», продукт переосмысления «усадебного топоса» в годы войн и революций как Китежа и Святой Руси, в 1930—1940-е гг. она стала синтезом прежде разделенных локусов светской культуры (усадебного дома) и неотмирной религиозности (монастыря). Подмосковная усадьба писателя, литературного критика и театроведа С. Н. Дурылина, одновременно тайного православного священника, стала «Ноевым ковчегом» обратившейся к христианству творческой интеллигенции в СССР.

Ключевые слова: Китеж, Святая Русь, русская усадьба, монастырь, христианство, С. Н. Дурылин, Болшево.

© Аванесова С. Т., 2022

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Abstract. The article attempts to show the specifics of the Russian writer's estate of the first half of the XX century. The heiress of the Silver Age estate as a "paradise on earth", the product of rethinking the «estate topos» during the years of wars and revolutions as Kitez and Holy Russia, in the 1930s and 1940s she became a synthesis of previously separated loci of secular culture (estate house) and non-worldly religiosity (monastery). The estate near Moscow of the writer, literary critic and theater critic S. N. Durylin, at the same time a secret Orthodox priest, became the "Noah's Ark" of the creative intelligentsia who converted to Christianity in the USSR.

Keywords: The Kitez, Holy Russia, russian manor, monastery, christianity, S. N. Durylin, Bolshevo.

Русская усадьба — уникальное, насыщенное разноплановыми смыслами пространство, которое порождало особый, созерцательно-деятельный тип человека и продуктивные жизненные практики — экономические, культурные, духовные — на протяжении не только XVIII—XIX вв., но и XX—XXI вв. [2]. Осмысление ее духовно-религиозного аспекта как самостоятельного явления — острая потребность современной гуманитарной науки.

В годы русской катастрофы (Первой мировой и Гражданской войн, революций 1917 г.) акцент в понимании родины сместился, с одной стороны, к мистике родной земли, с другой — к человеческой святости как национальной ценности. Мифологема Святой Руси заняла особое место в русской литературе 1900—1910-х гг. [3, с. 148]. Еще в 1909 г. Вяч. И. Иванов в докладе «Евангельский смысл слова "земля"» противопоставил «землю» как «Невесту» Христа несовершенному «миру сему» [10, с. 151, 147]. В работе 1915 г. он писал, что живой связью между наличной Россией и чаемой Святой Русью, сокрытой в ее глубине, выступают русские святые, сопровождавшие отечественную историю на протяжении многих веков и снискавшие почитание у народа [9, с. 348—349]. И если святые, считает Иванов, по какой-то причине исчезнут с русской земли, то связь России и Святой Руси прервется, тем самым лишив страну жизненной силы.

С. Н. Дурьлин — один из первых авторов в русской литературе, связавших понятие *Святая Русь* со «Сказанием о невидимом граде Китеже» как основанием народного христианского мифомышления [7, с. 89]. По мысли Дурьлина, благодаря тому что этот невидимый город скрылся в землю до Второго Пришествия Христа, русская земля освящена крестами Китежа [7, с. 96—97]. В 1920-е гг. в ссылке в Челябинске он выдвигал тот же идеал: Святая Русь есть

душа России, без которой последняя померкнет и останется всего лишь земным несовершенным государством [6, с. 659, 658].

Православный образ-идеал Святой Руси впервые отразился в церковной гимнографии только в первой четверти XX в. Он прославлен в гимне 1916 г. патриарху Гермогену, а «в 1918 г. Афанасием (Сахаровым) и профессором Петроградского университета Б. А. Тураевым в службу всем русским святым была внесена стихира: “Русь святая, храни веру Православную”» [4].

В русской культуре религиозное и мистическое понятие рая начали соотносить с сельской помещицкой усадьбой как идеальным локусом еще в XVIII—XIX вв., этот образ утвердился во многом благодаря старшим славянофилам — А. С. Хомякову, И. В. Киреевскому, К. С. Аксакову и др. В творчестве же писателей и мыслителей первой половины XX в. (М. М. Пришвина, С. Н. Дурылина, А. Н. Толстого, Б. К. Зайцева, Ф. Сологуба и др.) формируется новый антиномичный образ рая на земле, монастыря в миру, связанный с их особым восприятием религиозного чувства в повседневной жизни. Именно на рубеже 1910—1920-х гг. в связи с усадьбой в произведениях этих писателей актуализируются мотивы Китежа и Святой Руси [2, с. 167—169].

Наряду с этим для писателей Серебряного века остается актуальной идея о справедливом и гармоничном обществе и человеке, образы которых укладывались в картины ветхозаветного рая. Как и раньше, с усадьбой связывался топос Эдема, безгрешного сада, в котором человек пребывает в общении с Богом. В начале XX в. русская литература все чаще обращается к мифологемам Невидимого града Китежа и Святой Руси как воплощениям райского, софийного состояния земли [2, с. 170]. И если в XIX — начале XX в. усадьба и храм, усадьба и монастырь все-таки были отдельными локусами, хотя нередко и стремившимися к объединению, то в советские десятилетия писательская усадьба-дача зачастую сама превращается в духовно-религиозный центр. Так, например, содружество религии и культуры становится содержанием усадебной жизни С. Н. Дурылина в Болшеве в 1930—1940-е гг.

Автор работы «Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства» (1913), где был сформулирован миф о Китеже как главный для русского народного самосознания, Дурылин реализует его на практике в своей Болшевской усадьбе, которая становится Ноевым ковчегом религиозной интеллигенции в условиях СССР. Образ Китежа объединяет усадьбу и храм в одном духовном символе.

Дом Дурылина в Болшеве в 1930-1940-е гг. стал центром большой семьи, связанной узами духовного родства; он выполнял жилую, музейную и храмовую функции одновременно [1, с. 226]. В созданном духовно-усадебном пространстве образовалась большая семья деятелей русской духовной культуры [5, с. 104]. Там жила монахиня Феофания после разрушения Спасо-Бородинского монастыря. У самого Дурылина до конца дней хранился антиминос, позволявший служить литургию вне храма. Сохранились свидетельства о связях дома с центрами русского Православия — Черниговским скитом Троице-Сергиевой лавры и Оптиной пустыней, а также со святыми новомучениками о. Алексием (Мечевым) и Михаилом (Новоселовым), оптинским старцем Анатолием (Потаповым). Неслучайна, в свете связи творчества Дурылина с философско-богословской традицией славянофильства, и территориальная близость дома к Сергиеву Посаду [1, с. 226]. Творчество Дурылина передает духовное наполнение усадебного мира [8, с. 12].

Так формируются новые формы традиционного единства усадьбы и храма, усадьбы и монастыря в условиях СССР (тайные богослужения и требы в усадебном доме и т. п.). Экзистенциальный религиозный вектор заметен в переписке Дурылина с известными современниками: М. В. Нестеровым, В. Д. Поленовым, К. Ф. Богаевским, К. С. Малевичем, М. А. Волошиным, Б. Л. Пастернаком и др.

Итак, в условиях СССР трансформируется традиционное сочетание элементов усадебного комплекса: дома, парка (сада) и храма; теперь усадебный дом нередко берет на себя функции храма и приобретает сакральное значение, религиозное сливается с культурным. Также начинают преобладать неинституциональные формы религиозности. У Дурылина наблюдается специфический подход к сущности христианской культуры. Человек в рамках антропологической парадигмы духа, души и тела осмысливается им с точки зрения борьбы ангела и беса, земная реальность — с точки зрения соотношения бытия и небытия, история — с точки зрения осуществления в ней бытия.

Особую роль играет у Дурылина мифологема Святой Руси как «бытия» России в ее исторической перспективе. В нем Дурылин решал ту же задачу, что и М. А. Новоселов в религиозно-философских работах: вспомнить «забытый путь опытного Богопознания» [11, с. 200]. Ведь мир глубоко секуляризован, и необходимо заново начинать христианскую проповедь, опираясь, в том числе, и на собственный религиозный опыт. Согласно этой мысли, носи-

телями христианского духа для Дурылина была, с одной стороны, русская литература XVIII–XIX вв., с другой — народная культура. Помимо Китежа, важнейшей мифологемой была для него Святая Русь, с которой связана проблематика рая, имеющего три образа: сад, монастырь и град. Это для него пути преодоления все увеличивавшегося разрыва Бога и мира.

Список источников и литературы

1. *Акимова М. С.* Усадьба реальная и усадьба литературная в судьбе и творчестве С. Н. Дурылина // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., науч. и отв. ред. О. А. Богданова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2021. — С. 218–228.
2. *Богданова О. А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / отв. ред. Е. Е. Дмитриева. — Москва : ИМЛИ РАН, 2019. — 288 с.
3. *Богданова О. А.* Мотив «утверждения земли» в русской литературе 1917–1920-х гг.: статья вторая // Новый филологический вестник. — 2018. — № 4 (47). — С. 144–153.
4. *Гайда Ф.* Что значит «Святая Русь»? // Нескучный сад. — 2013. — № 5–6 (88). — URL: <http://www.pravoslavie.ru/63409.html> (дата обращения: 20.04.2022).
5. *Грабарь И. Э.* Светлой памяти ученого и друга // Сообщения Института истории искусств АН СССР. — Москва, 1955. — № 6. — С. 103–104.
6. *Дурылин С. Н.* Заметки о Нестерове (Впечатления, размышления, домыслы). III. Святая Русь // Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920-х годов. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2014. — С. 650–660.
7. *Дурылин С. Н.* Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства // Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920-х годов. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2014. — С. 71–106.
8. *Дурылин С. Н.* Собр. соч.: в 3 т. — Москва : Изд-во журнала «Москва», 2014. — Т. 1. — 589 с.
9. *Иванов В. И.* Живое предание // Иванов В. И. Родное и вселенское. — Москва : Республика, 1994. — С. 346–352.
10. *Иванов Вяч. И.* Доклад «Евангельский смысл слова "земля"». Письма. Автобиография (1926) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. — Санкт-Петербург: Академический проект, 1994. — С. 142–154.
11. *Резвых Т. Н.* Религия и культура в прозе и поэзии Сергея Дурылина // Христианское чтение. — 2015. — № 3. — С. 199–225.